

Последний рейс «Байкала»

19 ноября 1939 года. Я сижу за столом в радиорубке старого парохода «Байкал». Судно слегка раскачивается, и тусклый свет керосиновой лампы ползает по стенам.

Идут пятнадцатые сутки с того дня, когда сухогруз, сбившись с курса, наскочил на подводные скалы у юго-западной оконечности Шпицбергена. В рубке — минус пятнадцать. Негнущимися от холода пальцами я принимаю штормовое предупреждение: «В районе северной части Баренцева моря ожидается быстрое усиление северо-западного ветра до ураганного». «Скоро начнется, нужно доложить капитану», — думаю я.

С начала аварии хлынувшая в пробоины вода затопила кочегарку и машинное отделение. С тех пор мы без электрического света и отопления. Некоторое время я без результата толкаю примерзшую дверь рубки и, только поддев ее большой отверткой, выбираюсь на палубу. Около двенадцати часов. Где-то далеко за горизонтом светит солнце. Но его лучи не могут рассеять полярную ночь и создают лишь видимость призрачного рассвета. Плотный семибалльный норд-вест при двадцатиградусном морозе насквозь продувает не только легкое пальто, но, кажется, и все тело. Этот рейс в Арктику для меня оказался совершенно неожиданным: в Мурманске ночью меня сняли с «Аргуни», ушедшей в Англию, и послали на «Байкал» заменить заболевшего радиста. «Хорошо еще, что Эпроновцы дали обшитые кожей валенки», — думаю я.

Спардек, спасательные шлюпки, радиорубка и надстройка покрылись толстым слоем льда от долетавших сюда брызг. Полузатонувшее судно раскачивается с креном на правый борт, и, чтобы не свалиться в воду, я передвигаюсь, хватаясь за все, что может удержать меня на скользкой палубе. Тяжелая арктическая волна, накатываясь, слегка приподнимает судно, а затем, перемахнув через фальшборт и задраенные люки трюмов, с шипением уходит в море. Теплая ветвь Гольфстрима, достигающая этих мест, еще борется с леденящей стужей, и вода парит, но на ее поверхности уже появилось множество тонких прозрачных льдинок, которые слабо шуршат, гонимые волнами и ветром. Из снежной пелены в полумиле от судна проглядывает что-то огромное, непрерывно меняющее свои очертания. Это низко бегущие облака, попадая в ловушку между ниспадающим ледником и изломом гористого берега, за-вихряются в молчаливом хороводе. Под ледником видна высокая черная каменная стена. Кажется, она тянется без начала и конца. В разрывах снежных зарядов у береговой черты открываются острые скалы. Вокруг них серыми бурунами кипит вода. Мрачная стена подавляет все вокруг и вместе с нависшим над ней ледником устрашающе громоздится над судном. Мористее изредка мерцают слабые огни спасательных кораблей. Две гряды скал, около которых пенится вода, не позволяют им подойти к нашему судну ближе трех миль. Луч прожектора освещает в серо-зеленой толще воды фигуру водолаза, который пытается найти новое повреждение в днище. Его светлый скафандр то появляется на фоне темной, поросшей шевелящимся мхом подводной скалы, на которой

сидит судно, то исчезает, когда приходит новая волна.

Команда, потеряв счет дням, непрерывно скалывает с палубы лед. Эту, кажется, бесконечную и бессмысленную работу нельзя остановить ни на минуту. И без того отяжелевшее от воды судно, за несколько часов может превратиться в глыбу льда и затонуть.

Капитан с мешками под глазами от бессонных ночей смотрит на «штормовое предупреждение» и молча передает его командиру спасательного отряда ЭПРОНа — плотному крепышу с темно-коричневым обветренным лицом и большими красными руками. Тот внимательно читает радиогранму.

— А, черт, опоздали на день. Завтра вывели бы судно на чистую воду. Пойду поднимать водолазов.— И с этими словами выходит из каюты.

Эпроновцы из Мурманска прибыли на четвертый день после аварии.

Спущенные со спасателя «Память Руслана» шлюпки благополучно прошли через гряды скал и подошли к «Байкалу». Рослые краснофлотцы, одетые в полушубки, вместе с командой судна, несмотря на сильное волнение, в считанные минуты выгрузили тяжелое спасательное имущество. Не прошло и часа, как помпы эпроновцев уже откачивали воду из трюмов. Водолазы при свете прожектора спустились в стылую воду, а часть спасательного отряда вместе с командой «Байкала» заделывала пробоины в трюмах и кочегарке. Краснофлотцы и моряки работали споро, как умеет в трудный час работать русский человек, не обращая внимания ни на колючий ветер, ни на мрачную черную стену с нависшим над ней ледником.

Я совсем заоченел, и иду погреться на камбуз, единственное теплое место на судне. Небольшое помещение до отказа набито отдыхающей сменой моряков и эпроновцев. Тусклый свет керосиновой лампы освещает обожженные морозным ветром усталые лица, покрытые жесткой щетиной. Увидев меня, моряки теснятся, уступив уголок у печки:

— Вы что, лучшего места не нашли, где можно было бы приткнуться к берегу? — улыбаясь, обращается старшина водолазов к боцману.

— Да мы ничего,— отвечает вместо него рулевой.— Когда шторм начал прижимать нас к берегу, капитан на всякий случай взял мористее на десять градусов, но и этого, как видно, оказалось мало. Вот мы и очутились здесь. Поднимаясь в свою рубку, замечаю: свист ветра как-то изменился. На волнах появилась мелкая рябь, на глазах превращающаяся в пенящиеся гребешки, за которыми стремительно надвигается серая стена шквала. Под его ударом судно скрипит, еще больше заваливается на правый борт, но все же удерживается на месте. Мчащаяся за шквалом гигантская волна поднимает пароход и с силой бьет о скалу. Шлюпка левого борта, сорвавшись с кормовых талей под тяжестью намерзшего льда, начинает метаться по палубе, круша все вокруг. Едва я вскакиваю в рубку, как шлюпка грохает по двери. От стремительной бортовой качки и резких ударов о скалы даже в радиорубке трудно устоять на ногах. Среди воя ветра и шума слышится резкая пулеметная дробь рвущихся заклепок на стальных листах обшивки корпуса парохода.

Пятнадцать часов — время выхода в эфир. Включаю приемник и тут же

слышу характерные сигналы передатчика ледореза «Литке» со своими позывными: «Байкал», «Байкал», вас потеряли, дайте радиопеленг». Пытаюсь запустить аварийный передатчик, но аккумуляторная батарея не действует, пляшущий свет керосиновой лампы высвечивает стрелку вольтметра, стоящую на нуле.

Привязав к поясу пальто нож, плоскогубцы, большую отвертку, два зачищенных куска провода и два крепких конца линя, прикрепляю к спине шерстяной матрац, с которым в последнее время нес вахту — так теплее. Лампу решаю с собой не брать: ее скорее всего загасит ураган, и, возвратись в рубку, я окажусь в темноте.

Шлюпка, казалось, утихомирилась и больше не грохочет.

Поддеваю отверткой дверь и выбираюсь на палубу.

Короткий арктический дневной полусумрак окончился. Ураган ярится по-прежнему. Он перемешал воздух с морем, снегом и льдом и с силой вгоняет плотную колючую массу в мои легкие. Невольно сжимаюсь, стараясь уменьшиться в размерах, верчу головой, пытаюсь найти такое направление, где можно вздохнуть полной грудью. Я боюсь потеряться в воющем мраке и не выпускаю ручку двери. Судно продолжает раскачиваться с борта на борт и содрогается от ударов о скалы. Задыхаясь от жгучего морозного ветра, нащупываю стальную оттяжку дымовой трубы у аккумуляторного ящика и привязываюсь к ней. Затем открываю тяжелую крышку ящика и прикрепляю ее к нижней части оттяжки. Сняв рукавицы, в темноте ощупываю соединения элементов батареи, пока не обнаруживаю разрыв цепи. Стенка ящика проломлена, очевидно ударом шлюпки, и одна аккумуляторная батарея разбилась. Вылившаяся из нее серная кислота, перемешанная с водой, плещется внутри ящика, грозя вывести из строя всю батарею. Зачистив ножом электроды, я на ощупь, минуя разбитую банку, соединяю их проводом. Закончив ремонт, пытаюсь подняться, но обнаруживаю, что не могу даже сдвинуться с места.

Оказывается, пока я работал, присев на корточки, низ матраца примерз к палубе, а ляжки и линь, которыми я обвязался, превратились в сосульки. Обколол лед, перерезаю одну ляжку матраца, когда что-то большое и серое наваливается на меня, и я на какое-то время лишаюсь сознания. Оказывается, шлюпка снова сорвалась с места и, разворачиваясь, ударила меня в бок, а затем, протаскивая по палубе, забросила за аккумуляторный ящик. С трудом соображая, где нахожусь, долго прихожу в себя. Нет желания не только встать, но даже пошевелить рукой. Вода, пробравшаяся к окоченевшему телу, уже не обжигает леденящим холодом. Ни с того, ни с сего вспоминаю щенка, которого подобрал на пирсе в Мурманске. Мне даже мерещится, что щенок за пазухой и согревает меня.

Рев урагана удаляется, я начинаю засыпать, и тут же передо мной появляются обмороженные и вымотанные до предела лица товарищей. «Поднимайся, поднимайся, ты уже примерз к палубе. Еще немного, и ты не встанешь», — ругаю себя за слабость.

С тупым отчаянием начинаю ворочаться, разламывая на своей одежде лед.

Затем подтаскиваю привязанный к поясу нож, и, лежа, скрюченными от мороза руками пытаюсь перерезать лямку матраца. Нож все время вываливается из рук, но движение и работа согревают меня и придают уверенность. В конце концов я перерезаю и лямку, и страховочный линь, которыми привязан к оттяжке трубы, и вылезаю из примерзшего к матрацу пальто. Став на колени и зажав зубами отрезанный конец лinya, отдираю пальто от матраца и натягиваю на себя. Потом снова обвязываюсь свободным концом лinya и закрываю аккумуляторный ящик. Руки совсем не слушаются, а погреть негде — рукавицы смерзлись. В довершение ко всему отвертка, привязанная к поясу, куда-то исчезла, и я не могу открыть заледеневшую дверь рубки. Чуть не плача от боли и бессилия, я подпрыгиваю, пытаюсь согреться.

— Ты что делаешь? — неожиданно слышу голос невесты откуда появившегося штурмана Простакова, одетого в новый полушубок. Другой такой же полушубок привязан к его спине.

У меня хватает сил улыбнуться.

Разглядев мою перегнувшуюся почти пополам фигуру в несуразно длинном ледяном пальто, Простаков качает головой и, стараясь заглушить грохот урагана, кричит:

— Пойдем в рубку, нужно передать срочную радиogramму спасателям.

С трудом он открывает примерзшую дверь рубки, стаскивает с меня пальто и напяливает полушубок.

— Это подарок от эпроновцев. Раньше не могли — спускали спасательные шлюпки с правого борта. Да все напрасно — шлюпки затонули. Четырех человек вытащили из воды.

Простаков по-прежнему кричит, хотя мы уже в рубке.

— До тебя еле добрался. Трапы обледелели по самые поручни, посередине спардека — горы льда. Так что ты теперь у нас как отрезанный ломоть. К нам не ходи: с такими руками свалишься за борт. А без рации нас не найдут.

«Передатчик работать будет», — решаю я, взглянув на стрелку вольтметра.

Слушая Простакова, я, не переставая, растираю руки и колочу ими по полушубку. Часы показывают пятнадцать двадцать пять. Включаю приемник и слышу слабые сигналы Морзе далеких радиостанций.

Где-то играет музыка, кто-то рассказывает веселые истории, слышится смех.

Эфир живет своей жизнью.

Переключив рубильник на аварийный передатчик, я нажимаю на ключ — передатчик работает.

— «Литке», «Память Руслана», «Кузнец Лесов», «Правда», — я — «Байкал».

Как слышите? Имею срочное сообщение», — сбиваясь на каждом слове, медленно в-ыстукиваю на ключе.

Тишина в наушниках взрывается ревом радиопередатчиков спасательных судов:

— «Байкал», тебя слышим.

Невидимая ниточка радиоволн через мрак ночи и рев урагана снова протягивается от терпящего бедствие судна к спасателям.

Я повторяю позывные всех пришедших на помощь судов и передаю радиограмму, которую принес Простаков: «Оба днища пробиты, кормовая палуба в воде, спа-сательные средства вышли из строя, ураган тащит судно со скалы на глубину. Капитан «Байкала».

Получив подтверждение о приеме радиограммы, даю свой радиопеленг — несколько повторяющихся длинных сигналов, а затем добавляю:

«Аккумуляторы на исходе. В эфир будут выходить для срочных сообщений и пеленга». Радисты спасателей, в свою очередь, извещают, что их суда ушли из опасной трехмильной зоны и с трудом дрейфуют в открытом море.

Закончив передачу, зажав карандаш в кулак, большими буквами коряво записываю в вахтенный журнал: «...Связь восстановлена».

Простаков молча следит за моей работой и неожиданно спрашивает:

— А где твой щенок?

— О-отдал бу-буфетчице в первую шлюпку, когда отправляли пассажиров на «Литке». При-придем в Мурманск — за-заберу.

Меня бьет лихорадочная дрожь, и я не могу нормально говорить.

— Знаешь, когда ты ночью появился на судне — высокий, важный, в модном английском пальто, с чемоданчиком в одной руке и щенком за пазухой, то я, грешным делом, подумал: «Ну и хватим мы с этим артистом горя»—а вот получается... И, не закончив фразу, Простаков выбирается из рубки.

Ночью несколько раз даю радиопеленг, а в перерывах снимаю стоявший внизу умформер * аварийного передатчика и закрепляю его на стене, подальше от воды, появившейся на палубе рубки. Затем поднимаю аккумуляторы радиоприемника, снимаю соединительные провода приемника и передатчика и подвешиваю их к потолку над столом.

С рассветом, привязавшись к оттяжке, вновь принимаюсь за аккумуляторы. Несколько раз шквальный ветер сбивает меня с ног. Полушубок и валенки обледенели, и я, с трудом подтягивая страховочный линь, поднимаюсь на ноги. В конце концов вычерпал из ящика кислоту, перемешанную с водой, и плотно завинчиваю пробки банок. Крен достиг критических размеров, и кислота просачивалась через прокладки пробок. После этого толстым слоем технического вазелина покрываю все электроды аккумуляторов и выход кабеля. «Если аккумуляторы окажутся в воде, они не сразу разрядятся, и передатчик еще некоторое время будет действовать»,— решаю я. Работа продвигается медленно. От мороза и кислоты руки распухли.

Неожиданно страшный треск заглушает рев шторма, а с вант сыплются куски льда. С изумлением и ужасом вижу, как заливаемое волнами судно вначале медленно, а потом все быстрее разламывается надвое. Носовая часть «Байкала», еще державшаяся на плаву, отделяется от засевшей на скале кормы и разворачивается по ветру. С пронзительным скрежетом лопаются тросы такелажа. Их оборванные концы вместе с кусками льда летят за борт и падают на палубу. Оторвавшийся нос тащит за собой часть канатов, которые, в свою очередь, захлестывают метавшуюся спасательную шлюпку, и она, проскользнув в полуметре от аккумуляторного ящика, сваливается за борт. Затаив дыхание, я смотрю на обледеневшую серую громаду носовой части,

поднявшуюся на волне над затонувшей кормой. Кажется, еще мгновение, и она рухнет на корму. Но ветер и волны теснят ее, и, переваливаясь, она несется к черной стене. Вслед за ней среди бочек с нефтью мелькают спины свиней, которых к Новому году живыми везли шахтерам в Баренцбург. Взглянув на болтавшийся на входном изоляторе обрывок антенны, я про себя отмечаю: «Антенного канатика больше нет...»

Забираюсь в рубку и при свете керосиновой лампы перерываю ящики со старым имуществом в надежде найти антенный канатик или хотя бы подходящий кусок провода. Дверь перестала закрываться, и на полу рубки набралось воды и льда по самый порог. Стараюсь не упасть. Вспоминаю, что катушка индуктивности мощного длинноволнового передатчика обмотана медным многожильным проводом. С трудом вытаскиваю и разматываю ее, получается метров десять — маловато. Торопясь, начинаю расплетать провод на пряди, когда в рубку буквально вваливается матрос Хромов.

— Капитан приказал срочно давать SOS. Вот радиограмма.— Отдав радиограмму, Хромов продолжает: — Сейчас тащим из воды шлюпки. Они болтаются за бортом и превратились в глыбы льда.

Тали тоже отмерзли, и шлюпки тащим вручную. Пока ничего не получается. Половина команды вымокла и сидит под брезентом. Капитан и команда говорят, что теперь от тебя зависит, найдут нас спасатели до того, как судно уйдет под воду, или нет.

— Найдут,— не очень уверенно отвечаю я.— Только помоги расплести провод.

Вдвоем мы расплетаем провод, соединяем пряди в один конец, а затем заделываем в изоляторы. После этого, привязавшись друг к другу, выбираемся на палубу и начинаем подвешивать антенну. Шквалистый ветер с мелкими льдинками и колючий снег слепят глаза, отчего и без того темная ночь кажется непроглядной. Хромов добрался по обледеневшему металлическому трапу почти до половины дымовой трубы, но поскользнулся и, едва не свалившись, выпустил антенну. Два изолятора разбились, и нам пришлось возвращаться в рубку. Сняв с переборки настенные изоляторы главного передатчика, мы монтируем их в антенну. Теперь уже оба залезаем на трубу, и, помогая друг другу, прикрепляем конец антенны к верхней части трубы.

Вернувшись в рубку, включаю передатчик и нажимаю на ключ. Стрелка антенного амперметра дергается и ползет вверх. Пальцы не действуют, стучу всей рукой. Три точки — три тире — три точки, а затем трижды: «Я — «Байкал». Судно переломилось, держимся на кормовых надстройках. Капитан «Байкала».

Спасатели отвечают не сразу. Искровой радиопередатчик «Байкала» прослушивается теперь как слабый шорох и к тому же в стороне от волны бедствия. Я несколько раз подстраиваю передатчик и повторяю сигналы SOS, прежде чем меня услышали. Готовый каждую минуту угаснуть передатчик снова связывает «Байкал» со спасательными судами...

Сигнал бедствия даю первый раз в жизни, получается просто и буднично. Я

понимаю, что капитан, решив дать SOS, теперь уже больше ни на что не рассчитывает. Спасательные суда сами с трудом удерживаются против ураганного ветра. Идти к «Байкалу» в темноте, через гряды скал — верный шанс погубить корабли и людей. Спустить шлюпки им тоже нельзя — ураган погонит их к берегу. И если их не зальет водой и не разобьет о скалы, то гибели у черной

стены им не миновать. Даже если они чудом добрались бы до «Байкала», обратно против ураганного ветра и волны им все равно не выгрести, и к экипажу «Байкала» прибавились бы моряки спасательных шлюпок.

Казалось, вторая ночь урагана никогда не кончится. Спардек уже залило, и вода, проходя через полуоткрытую дверь, вместе с битым льдом плещется в рубке, все ближе подбираясь к столу. Мокрый и окоченевший, сижу на столе среди подвешенных проводов, продолжая давать радиопеленг, пока в море не появляются огни спасательных судов.

К утру, когда шторм начал стихать, кормовая часть судна, достигнув пологого склона, под ударами

волн начала быстро сползать со скалы и уходить в воду. Моряки прикрепили к вантам бочку с нефтью и подожгли ее. Красные отблески пламени освещают ледяной хаос разрушенного судна. Рация еще работает, и я принимаю последнюю радиограмму: «Байкал», у вас видим огонь, спускаем шлюпки — приготовьтесь к эвакуации».

Шторм быстро угасает, и в просветах мчащихся облаков проглядывают звезды. Наступает утро. Тучи уходят за горизонт, открывая нежное бледно-голубое небо, которое можно увидеть только осенью в высоких широтах Арктики. На его фоне черная стена теперь кажется скорее величественной, чем ужасающей. Обледеневшая от волн снизу, сверху она разукрашена зелеными пятнами мха. Даже на самой вершине, где начинается толща ледника, проглядывает живая зеленая полоска. Ни ураганный ветер, ни мороз не могли уничтожить эти, казалось, такие слабые признаки жизни.

Океан отдыхает, и на его пологой волне к «Байкалу» спешат шлюпки спасательных судов...